

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Указатель сокращений	13
Указатель карт	14
1. Введение	15
1.1. <i>Тема</i>	15
1.2. <i>Терминология</i>	28
1.3. <i>Теоретические и методологические вопросы</i>	34
Господство в многонациональном государстве: этническое и географическое многообразие	37
Нерусские этнические группы на Востоке	38
Нерусские этнические группы на юге и юго-востоке	41
Нерусские этнические группы на Северном Кавказе	42
Участники событий и их названия	44
Анализ имперского господства и постколониальные исследования	50
1.4. <i>Степень изученности проблемы и источники</i>	53
1.5. <i>Структура работы</i>	60
2. Концепция подданства как инструмент создания империи	64
2.1. <i>Возникновение концепции подданства</i>	66
2.2. <i>Критерии российского подданства</i>	91
2.3. <i>Подданство, образование государства и империи</i>	100
От холопства к подданству	105
От подданства к протекции и покровительству	116
2.4. <i>Вывод</i>	122
3. Заложничество как имперский и колониальный инструмент	125
3.1. <i>Заложничество в мировой истории</i>	126
3.2. <i>Монгольский трансфер? Средневековая практика заложничества в восточнославянском пространстве</i>	132
3.3. <i>Становление заложничества в Московском государстве</i>	143
Вопрос об истоках	143
Начало московского заложничества на Северном Кавказе	150
Региональная специфика московского заложничества	163

3.4. <i>Новое измерение в XVIII веке:</i> <i>аманатство и миссия цивилизования</i>	168
Заложничество среди казахов	172
Новое веяние Василия Никитича Татищева	177
3.5. <i>Аманатство в различных моделях</i>	180
Через заднюю дверь: введение заложничества у казахов	180
Борьба за власть: оренбургский губернатор Иван Иванович Неплюев и казахский Абулхаир-хан	185
Ускорение перемен	190
Записка Петра Ивановича Рычкова и Алексея Ивановича Тевкелева 1759 года	192
Новая форма заложничества при Екатерине II	196
Неоправдавшиеся надежды	200
Новый прорыв под руководством Осипа Андреевича Игельстрема	204
Миссия цивилизования на Северном Кавказе	208
Миссия цивилизования в Сибири, на Дальнем Востоке, в северной части Тихого океана и на Аляске	211
Структурная реформа	214
Дальний Восток и северная часть Тихого океана	216
Григорий Иванович Шелихов и заложничество	224
Взятие заложников в XIX веке	230
3.6. <i>Вывод</i>	234
4. Концепты и практики цивилизования и интеграции	238
4.1. <i>Предметное поле: «цивилизованность» и «цивилизация»</i>	239
Империя и цивилизованность	245
Международное право и «цивилизованность»	247
Совместный труд о Северной войне	250
Политичный	258
Humanitas — людскость	260
Просвещение	271
«Варвары» и «варварство»	274
«Дикие» и «дикость»	281
Вывод	284
4.2. <i>Территория: строительство крепостей и укрепленные линии</i>	287
Пространственный образ Российской империи и среднеазиатская степь со времен Петра I	289
Укрепленные линии как инструмент имперской политики	292

Новое измерение: пространственная «ориентация» и колониальная политика	297
От Каспийского моря до Алтайских гор	305
Команда для обеспечения территориального «порядка» подвластных территорий	311
Конструкция «внутри» и «снаружи»	320
Укрепленные линии и крепости как база для российской политики цивилизирования	327
Эксперимент: создание «Внутренней Орды»	335
Трансфер новой территориальной политики на Северный Кавказ	339
Вывод	345
<i>4.3. Религия: государственная миссионерская политика</i>	<i>348</i>
Первый этап инициированного государством миссионерства в XVI веке	351
Государственное миссионерство в конце XVI—XVII веке	356
Предвестники петровских перемен: миссионерская политика в конце XVII века	360
Петровская эпоха	366
Обращение в христианство в зависимости от уровня цивилизованности	382
Переселение как инструмент русской православной миссии	388
Вывод	394
<i>4.4. Экономика и образ жизни: кампания по введению оседлости</i>	<i>396</i>
Изменение в восприятии	398
Проект Ставрополь	401
Успех, отрезвление и стратегическое разнообразие	410
Секуляризация кампании по утверждению оседлости	417
Стратегия обессиливания	423
Кочевники в рамках универсальной теории стадийного развития	432
Смена фокуса: от человека к стране	440
От стимулирования к дискриминации	451
Региональное многообразие	455
Выводы и перспективы	459
<i>4.5. Господство и право: трансформация местных структур</i>	<i>465</i>
Российская политика административного проникновения и лоялизация калмыцкой элиты	476
Артемий Петрович Волынский как новый губернатор Астрахани	479
Перипетии российской борьбы за ханскую инвестиру у калмыков	486

Перемены после смерти хана Дондука-Омбо	489
Последний этап лишения власти калмыцкого самоуправления	496
Российская политика административного внедрения в казахскую элиту, ее лоялизации и цивилизирования	501
Иван Иванович Неплюев как руководитель Оренбургской комиссии и первый оренбургский губернатор	507
Переломный момент: Российская империя ставит ханом Нуралы	510
Отрезвление и новые стратегические соображения	519
Новый подход Екатерины II в отношении казахов	525
Осип Андреевич Игельстром как новый губернатор в Оренбурге	532
Провал реформ О. А. Игельстрома	541
Начало конца казахского самоуправления	546
Выводы и перспективы	556
4.6. Политическая культура: обеспечение лояльности с помощью милости и дара	562
Концепция милости и ее презентация в имперском контексте	563
Поездки с целью принесения присяги	570
Культура даров как имперский инструмент господства	586
Выводы	605
5. Заключение	608
6. Источники и литература	637
6.1. <i>Источники</i>	637
6.2. <i>Исследовательская литература</i>	645
7. Источники иллюстраций	698
8. Указатели	700
8.1. <i>Именной указатель</i>	700
8.2. <i>Географические и этнические обозначения</i>	706

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа является переработанной версией докторской диссертации, которая была представлена в 2018 году на факультет истории и искусствоведения мюнхенского Университета Людвиг-Максимилиана. Многие люди и организации помогли мне на этом пути. Я хотела бы от всего сердца поблагодарить их за руководство, поддержку, советы и подсказки.

Прежде всего я хотела бы поблагодарить профессора доктора Мартина Шульце Весселя, который как научный руководитель моего диссертационного проекта не только предоставил мне необходимую свободу и активно поддерживал меня в реализации проекта, но и всегда внушал мне уверенность в том, что мои многолетние исследования приведут к достойному результату. Моим менторам — профессору д-ру Кристофу Нойману и профессору д-ру Мартину Аусту я обязана ценными указаниями и советами, а также критическими отзывами на окончательный вариант рукописи. Мартин Ауст, многолетний друг и компаньон по научной деятельности, всегда находил время для дискуссии, вдохновляющей меня на новые идеи.

Немецкое научно-исследовательское общество предоставило мне как матери троих детей «персональную ставку с частичной занятостью», создав тем самым роскошные условия для научной работы. Щедрые исследовательские гранты Баварского фонда поддержки равных возможностей и Фонда Герды Хенкель помогли довести обширный проект до конца. Я выражаю мою искреннюю благодарность всем трем учреждениям.

Более десяти лет я могла рассчитывать на помощь сотрудников университетской библиотеки Свободного университета в Берлине, особенно службы межбиблиотечного абонемента, которая снабжала меня материалами из самых отдаленных регионов мира. Я хотела бы поблагодарить Маркуса Бресгота

из отдела оцифровки за его умение преодолевать любые проблемы при оцифровке старых иллюстраций.

Незаменимым для проекта был обмен идеями с коллегами. Прежде всего я хотела бы поблагодарить Джона Ледонна и, к сожалению, слишком рано ушедшего Марка Раева, которые не только вдохновили меня на написание данной работы, но чей живой интерес к проекту и критические замечания (изложенные в длинных письмах) задавали на ранних этапах важные векторы работы. Я благодарна Майклу Ходарковскому за плодотворный обмен мнениями, происходивший от Саппоро до Филадельфии; Уилларда Сандерленда я благодарю за чрезвычайно важную беседу в Вашингтоне, а более всех остальных я хотела бы выразить признательность Андреасу Каппелеру, который не только поддерживал меня советами на протяжении десяти лет, но и вычитывал и критически комментировал отдельные главы.

Кроме того, немало важных импульсов придали работе конференции по истории империй, особенно конференция «Азиатская Россия», организованная в Японии Томохико Уямой; конференция по глобализации в XVIII веке на озере Комо под руководством Маттиаса Мидделла; конференция по сравнительной и реляционной истории империи, которую мы организовали в Москве с Мартином Аустом и Алексеем Миллером; посвященная истории понятий конференция Ингрид Ширле, Дениса Сдвижкова и Алексея Миллера в Москве; конференция о пространственных образах, воле к порядку и мобилизации насилия, организованная в Гамбурге Ульрикой Юрайт, и семинар о связи между Просвещением и колониализмом, проведенный Дамьеном Трикуаром в Галле.

Концепция и фрагменты исследования были представлены и стали предметом дискуссии на многочисленных исследовательских коллоквиумах, где высказывались ценные критические замечания, предложения и советы. Я хотела бы поблагодарить руководителей и участников исследовательских коллоквиумов в Центре российских и евразийских исследований имени Дэвиса при Гарвардском университете, в Университете Людвига-Максимилиана в Мюнхене, в Берлинском университете имени Гумбольдтов, на кафедрах в университетах Билефельда,

Констанца, Тюбингена, Бонна, Фрайбурга, Базеля и Эрлангена, в Гамбургском институте социальных исследований и особенно небольшую, но очень чуткую аудиторию в Ходдздоне — ежегодном месте встреч британской Исследовательской группы XVIII века.

Помимо уже названных лиц, я хотела бы поблагодарить многочисленных коллег и друзей, которые обогатили мой исследовательский проект указаниями на литературу, на определенные источники, в том числе в процессе насыщенных бесед. Вот лишь некоторые из них: Ульрике Вельс, Мартина Винклер, Доминик Гепперт, Керстин С. Йобст, Глеб Казаков, Колум Лекки, Максимилиан Мюллер-Херлин, Денис Сдвижков, Ванесса де Сенаркленс, Райнхард Фрётшнер, Каролина Хассельман, Шарлотта Хенце, Ульрих Хофмайстер, Фритьоф Беньямин Шенк и Зильке Штрикродт. Моим «звездным часом», состоявшимся благодаря Ульрике фон Арним, Анне Дитрих и М. Мюллер-Херлину, стал «Симпозиум друзей» по случаю представления моей докторской диссертации, на котором я имела возможность продемонстрировать результаты исследования юристам, литературоведам, врачам, экономистам и инженерам.

Рукопись диссертации или ее отдельные главы прочли и сделали ценные критические замечания Аксель Вульпиус, Франциска Дэвис, Штефан Иро, Матиас Граф фон Кильмансегг, Екатерина Махотина, М. Мюллер-Херлин, Ш. Хенце, У. Хофмайстер, Ф.Б. Шенк и Дитмар Шорковиц. Моя сестра Карола Вульпиус вычитала диссертацию как корректор. Всем им, кто нашел моей работе место в своей насыщенной профессиональной жизни, я выражаю огромную благодарность.

Я хотела бы поблагодарить редакторов серии *Beiträge zur Geschichte Osteuropas* («Материалы к истории Восточной Европы») за включение моей монографии в издательский план и за ценную критику и выразить особую признательность Ф.Б. Шенку, который не только помог мне найти лаконичное название для работы, но и поддерживал меня по мере своих возможностей последние десять лет на этом нелегком пути. Я благодарна издательству Böhlau Verlag за профессиональную поддержку на завершающих этапах подготовки рукописи, отделу корректуры — за заботу и настойчивость и особенно Фонду Герды

Хенкель — за щедрую финансовую поддержку, позволившую напечатать книгу.

Наряду с моими родителями, которые всегда были рядом, и моими тремя детьми, делающими мою жизнь бесконечно счастливой, самую большую благодарность — последнему в списке, но далеко не последнему по значимости — я высказываю моему мужу Матиасу. Без его поддержки, ободрения и любви я, конечно, никогда не смогла бы закончить эту книгу; она посвящена ему.

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ

- ААЕ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
- ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией
- КабРО — Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках
- КРО — Казахско-русские отношения
- МипсК — Материалы по истории политического строя Казахстана
- МпиБ — Материалы по истории Башкортостана
- МпиБ АССР — Материалы по истории Башкирской АССР
- МпиК — Материалы по истории Казахской ССР
- ПиБ — Письма и бумаги Петра Великого
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи, серия 1
- ПСПр — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РДагО — Русско-дагестанские отношения
- РМонгО — Русско-монгольские отношения
- РТуркО — Русско-туркменские отношения
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
- СИРИО — Сборник императорского Русского исторического общества
- FOG — Forschungen zur osteuropäischen Geschichte
- JbfgO — Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas
- MERSH — Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History

УКАЗАТЕЛЬ КАРТ

- Рис. 2. Терская крепость на реке Терек между Черным и Каспийским морями, расположенная между территориями кумыков и кабардинцев на Северном Кавказе, XVIII век
- Рис. 7. Северная часть Тихого океана с Камчаткой и Русской Америкой, включая прибрежные острова Аляски — Алеутские острова и остров Кадьяк, главную базу Григория Ивановича Шелихова. Карта Билла Нельсона
- Рис. 13. Окружение Транскамской и Оренбургской укрепленными линиями башкирских поселений. 1736–1743
- Рис. 14. Оренбургская укрепленная линия (от Каспийского моря до Алтайских гор) отделяет калмыков и башкир от территорий летнего расселения казахских Младшего, Среднего и Старшего жузов. Вторая половина XVIII века
- Рис. 18. Букеевская Орда на «внутренней стороне», Младший, Средний и Старший казахские жузы на «внешней стороне». Центральная Азия в XIX веке
- Рис. 19. Кавказские линии XVIII века и российская южная граница 1829 года

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. ТЕМА

После крупной победы над Швецией в Северной войне царю Петру I был присвоен титул «императора». Если до этого страна именовалась Московской Русью, царством или государством, Русской землей или Россией, то отныне она была на уровне понятия преобразована современниками событий в «империю». Означало ли это, что произошло некое коренное изменение? И если да, то что именно изменилось? Разве прежде в восприятии государственной элиты еще не существовало империи? И что понимали современники Петра I и его преемник под империей? Заложило ли это понимание основы имперского сознания, которое продолжает оказывать влияние в России и в наши дни?

Историк Райнхарт Козеллек предложил различать понятия, происходящие из источников, и понятия, применяемые в историческом анализе. Если взглянуть с данной точки зрения на термин «империя» как на категорию аналитического познания и задаться вопросом — с точки зрения *современного* понимания империи — о возникновении Российской империи как многонациональной державы, то точкой отсчета считается завоевание Великим княжеством Московским обоих крайних западных оплотов Золотой Орды, а именно Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств¹. В действительности на севере страны в состав княжества уже раньше были включены нерусскоговорящие и неправославные этнические группы. Но в случае с ордынскими ханствами речь впервые шла о включении суверенных государств с династической легитимностью власти и чужеродной

¹ Канпелер. Россия — многонациональная империя. С. 17; Hosking. Russia. P. 3 f. — Подробно об определении термина «империя» см. ниже (гл. 1.2).

высокоразвитой культурой, жители которых придерживались нехристианской религии, а именно ислама, и имели сравнимую с русскими дифференцированную социальную структуру¹.

Уважение, с которым русская сторона относилась ко всем трем ханствам Золотой Орды — Казанскому, Астраханскому и завоеванному в XVII веке Сибирскому, — выразалось в том числе в том, что в русских источниках они всегда именовались царствами. Когда Великое княжество Московское выиграло битву за господство над ханствами, московские государи стали претендовать на то, чтобы прибавить к своей титулатуре соответственно титул «Царь Казанский, Астраханский и Сибирский». В то время как титул «Царь и Великий Князь всея Руси» с 1721 года был официально изменен на «Император Всероссийский», три татарских царских титула сохранялись до конца существования империи, то есть до февраля 1917 года (все дореволюционные даты, касающиеся российского государства, в книге приводятся по юлианскому календарю). Они недвусмысленно выражали притязание на то, что Московское государство унаследовало власть над этими государствами от Орды — державы, под властью которой русские сами находились на протяжении более двухсот лет².

Однако несмотря на очевидные признаки того, что падением старой империи воспользовались для создания новой, в источниках конца XVI и XVII веков все еще обнаруживается недостаточно свидетельств того, что цари и их правящая элита осознавали себя правителями империи — империи, которую можно разделить на различные периферии, каждая из которых

¹ *Kappeler*. Россия — многонациональная империя. С. 17; *Kappeler*. Vom Moskauer Fürstentum. S. 157–178. — В своих недавно вышедших обзорных работах по истории Российской империи Нэнси Коллманн, Валери Кивельсон и Рональд Григор Суни также усматривают в завоеваниях 1552 года начало качественно нового этапа имперской истории Московии. При этом, однако, они подчеркивают, что насильственная экспансия Московского княжества уже имела имперские черты. Господство над неславянскими и нехристианскими подданными началось еще около 1450 года. *Kollmann*. The Russian Empire. P. 41, 55; *Kivelson*, *Suny*. Russia's Empires. P. 54, 61–62.

² *Kappeler*. Формирование Российской империи. С. 94–112; *Szeftel*. The Title of the Muscovite Monarch. P. 59–81; *De Madariaga*. Tsar into Emperor. P. 351–381; *Успенский*. Царь и император; *Солодкин*. О принятии Борисом Годуновым титула Сибирского царя. С. 55–57.

включала свои этнические группы¹. Новое царство не могло или не стремилось говорить на имперском языке. Скорее политика базировалась (с незначительными, но немаловажными исключениями, которые еще будут рассмотрены в данной работе), как и прежде, на принципах патримониального государства, на принципе *вотчины*, которые определяли политические отношения между государем и его подданными в период раздробленности русских княжеств². Согласно этим принципам, все подданные были в целом равны между собой по отношению к государю: не существовало принципиальной разницы между русскими и нерусскими, православными и неправославными землями³.

С завоеванием Сибири до границы с Китаем и с поглощением, помимо Казанского и Астраханского ханств, левобережной Украины, возникло обширное властное образование в виде многочисленных разнообразных этнических групп, конфессий и полунезависимых политических субъектов — *де-факто империя*⁴. Однако поскольку Московское государство продолжало в основном придерживаться патримониального дискурса, Александр Филюшкин предложил ввести для обозначения этой фазы понятие *неонатальная империя*, «империя-младенец»⁵.

Только в этом контексте становится понятно то значение, которое, как я намереваюсь показать в своем исследовании, имел

¹ *Raeff*. Patterns of Russian Imperial Policy. P. 157; *Kollmann*. The Russian Empire. P. 55. — Исключение представляет завещание Ивана III 1503–1504 годов: среди подданных Великого князя прямо упоминаются многочисленные нерусские этнические группы — мордва, черемисы, остяки, вогулы. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 356 и далее; *Kappeler*. *Ethnische Minderheiten im Alten Russland*. S. 135.

² *Филюшкин*. Проблема генезиса Российской империи; *Каменский*. Подданство, лояльность, патриотизм; *Vodoff*. Contribution à l'histoire du vocabulaire politique.

³ Однако это не исключало возможности предоставления различным этническим группам неотъемлемых прав на определенные земли в соответствии с Уложением 1649 года. Уложение, гл. 16, ст. 13–14 // ПСЗРИ. Т. 1. № 1 (29.01.1649). С. 1–161, здесь с. 76; *Kivelson*. Claiming Siberia. P. 30; *Idem*. Cartographies of Tsardom. P. 202–203.

⁴ Выражение *де-факто империя* применяет *Kollmann*. The Russian Empire. P. 41.

⁵ *Филюшкин*. Проблема генезиса Российской империи. С. 379. — Джейн Бурбанк и Фредерик Купер говорят о «патримониальной империи». *Burbank*, *Cooper*. *Imperien der Weltgeschichte*. S. 252.

XVIII век в развитии российского царства: это столетие, в котором разрыв между империей как категорией аналитического познания и категорией, происходящей из источников, исчезает. В этот период, обрамленный царствованиями Петра I и Екатерины II, произошли глубокие изменения в традиционном мышлении и практике российской элиты благодаря принятию изначально дихотомической концепции цивилизации и варварства из «Западной Европы»¹. Эти перемены привели к формированию всеобъемлющего имперского самосознания, что, соответственно, позволяет говорить о рождении Российской империи в применении именно к XVIII веку².

Эти изменения выразились — согласно центральным тезисам данной работы — во-первых, в том, что Петр I и его окружение, приняв парадигму цивилизованности, инициировали дискурс цивилизаторской миссии в отношении нехристианских этнических групп на юге и востоке, в котором роль образца играло собственное русское и аккультурированное российское население, включая крестьян, а также в том, что, независимо от этого процесса, Петр I начал дискурс самоцивилизации³.

¹ Помещение понятия «Западная Европа» в кавычки указывает на то, что подобные географические объединения являются конструктами. Со второй половины XVIII века была «изобретена» «Западная» Европа — с положительной коннотацией — и, соответственно, «Восточная Европа» и «Россия», которая все больше причислялась к последней и, таким образом, в сознании людей исключалась из «Западной» Европы. *Wolf. Inventing Eastern Europe; Klug. «Europa und europäisch» im russischen Denken; Kappeler. Russland und Europa — Russland in Europa.*

² Жан-Поль Гишар назвал вышедшую в 2018 году книгу «L'Émergence de l'Empire Russe. L'Europe byzantine jusqu'à Catherine II» («Возникновение Российской империи. Византийская Европа до Екатерины II»), в которой, однако речь идет о внешнеполитическом развитии царства на протяжении четырех веков и, в частности, о территориальных завоеваниях на Западе.

³ Вопрос о том, что понимали под терминами «цивилизованность» и «цивилизирование» сами участники событий, рассматривается в отдельных главах, подглаве 4.1 и в заключении. — Обозначение «нехристианские народы на юге и востоке царства» происходит не из источников и включает множество гетерогенных этнических групп. Данное обозначение служит исключительно для того, чтобы провести принципиальное различие между политикой в отношении присоединенных или завоеванных христианских народов «на севере и западе» и в отношении нехристианских народов «на юге и востоке». Более детально об этнических группах на юге и востоке см. ниже (гл. 1.3).

Во-вторых, речь шла не просто о дискурсе: эти изменения, начатые Петром I, ставшие более интенсивными при императрицах Анне Иоанновне и Елизавете Петровне и лишь постепенно усиливавшиеся при Екатерине II, отразились и в политике «цивилизации». В-третьих, в контексте русской традиции государственного строительства эта «политика цивилизации» означала начало реализации многообразных стратегий по изменению нехристианских этнических групп с целью их «слияния» с титульным народом или, по крайней мере, максимально возможного сближения с ним. В процессе реализации намерений аккультурации и частичной ассимиляции произошла до некоторой степени трансформация имперского мышления и имперских практик в сторону господства колониального характера. В свете всего вышесказанного в работе выдвигается аргумент в пользу того — и это в-четвертых, — что российское владычество уже в XVIII веке, пусть и с временными и географическими ограничениями, может стать предметом компаративистских исследований колониализма¹. И в-пятых, работа определяет российскую рецепцию отдельных нарративов Просвещения как движущую силу перехода к колониальной политике. Таким образом, данный анализ призван способствовать включению Российской империи, с точки зрения историков, в глобальное исследование такой спорной темы, как взаимосвязь между колониализмом и Просвещением².

¹ В международных исследованиях колониализма до настоящего времени Московскому царству уделялось недостаточно внимания. *Eckert. Kolonialismus; Reinhard. Kleine Geschichte des Kolonialismus.* — Уже в 1976 году Урс Биттерли сетовал, что западные историки охотно забывают, «что история России также знала периоды колониальной экспансии». *Bitterli. Die «Wilden» und die «Zivilisierten».* S. 59. Среди других авторов, призывающих к включению Российской империи в общее исследование колониализма: *Jobst. Orientalism; Idem. Where the Orient Ends?; Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier; Idem. Colonial Frontiers in Eighteenth-Century Russia;* Джон Дарвин характеризует Россию начиная с XVIII века как «исполинского колонизатора» («colossal colonialist»). *Darwin. After Tamerlane.* P. 119.

² Первые подходы к этому вопросу см.: *Vulpus. Civilizing Strategies.* — Дебаты о сложных взаимоотношениях между Просвещением и колониализмом начала почти пятьдесят лет назад Дюше: *Duchet. Anthropologie et Historie.* Особенно в гл. 18. Краткий обзор этой дискуссии до настоящего времени: *Tricoire. Introduction.* P. 2–5.

Высказывая вышеназванные тезисы, я по нескольким аспектам занимаю позиции, противоречащие тем, которые встречаются в работах других авторов, или призываю к модификации представляемых ими точек зрения.

Во-первых, цель состоит в том, чтобы внести вклад в дискуссию о периодизации и опровергнуть сложившиеся в последнее время представления, согласно которым петровский период не рассматривается как значимый поворотный пункт в истории Российской империи. В два последних десятилетия рядом историков были приведены веские аргументы в пользу отказа от прежней классификации, согласно которой раннее Новое время завершилось с Петровской эпохой и с провозглашением Петра «императором» российского государства, и замены ее описанием периода относительной преемственности приблизительно от 1500 до 1800 года¹. Традиционная периодизация, в центре которой находился Петр I, была ориентирована исключительно на центр, не уделяя равного внимания провинции; учитывала только элиту, игнорируя широкие массы населения; и отражала влияние тезиса о масштабной секуляризации, хотя де-факто религиозные верования и практики по-прежнему сохраняли большое значение. Брачная политика правящих династий Рюриковичей и Романовых также обнаруживает единую линию развития с 1495 по 1797 год, поскольку только в этот период, за редким исключением, невесты для царей выбирались не за границей, а из собственных служилых людей. Следовательно, только с изменением процедуры царем Павлом I удалось, по мнению этих историков, существенно ограничить борьбу за власть и влияние между высокопоставленными семействами².

Однако главный аргумент, выдвигаемый в поддержку тезиса о преемственности, заключается в том, что при ближайшем рассмотрении все до настоящего времени приписываемые Петру I нововведения были осуществлены уже в XVII веке, а значит, до него³. К числу таких нововведений относится и отделение

¹ *Waugh*. We have never been modern; *Kollmann*. The Russian Empire. P. 6; *Ostrowski*. The End of Muscovy.

² *Martin*. The Petrine Divide and the Periodization.

³ *Troebst*. Schwellenjahr 1667?; *Plochy*. The Origins of the Slavic Nations. P. 296.

государства от личности царя, и появление представления о «Западе» как о «Другом», которое в будущем сформирует русскую национальную идентичность¹. Масштабы петровской экспансии, по мнению сторонников этой точки зрения, тоже не выдерживают сравнения с размахом более ранних экспансий². Однако, для данного исследования самым существенным является утверждение, что в отношении категории «империя» в XVIII веке не происходило никаких значительных коренных изменений по сравнению с развитием предыдущих столетий³: лишь самое раннее в конце XVIII века, если вообще не в конце XIX, российская элита стала воспринимать свое государство как империю. Взгляд, согласно которому лишь в XIX веке сформировалась имперская политика, направленная на изменение образа жизни и стиля правления инкорпорированных нехристианских этнических групп, нашел приверженцев как среди историков раннего Нового времени, так и среди историков Нового времени⁴.

В свете этой дискуссии особенно важной представляется задача: выявить характер изменений имперской политики в XVIII веке и, в частности, в эпоху Петра I как поворотного момента истории империи⁵. На примере истории империи должно быть в то же время показано, что при создании периодизации более продуктивно основываться на отдельных областях политики, чем отрицать с помощью обобщающих утверждений возможность одновременности неодновременного. Эта дискуссия заставляет и в предлагаемой вниманию читателя работе постоянно уделять значительное внимание вопросу о том, в какой степени конкретные имперские концепции и практики

¹ Данные аспекты Вера Тольц в свое время выделила в качестве достижений Петра I. *Tolz. Russia*. P. 42–43.

² *Ostrowski. The End of Muscovy*. P. 430–431.

³ *LeDonne. Building an Infrastructure of Empire; Ostrowski. The End of Muscovy*. P. 431. — Илья Герасимов считает, что движение в направлении решительной имперской политики началось самое раннее с Екатерины II. *Gerasimov. The Great Imperial Revolution*. P. 33.

⁴ Ср., помимо Островского, также: *Kollmann. Comment: Divides and Ends*. P. 324, и *Baberowski. Auf der Suche nach Eindeutigkeit*. S. 487–488.

⁵ Джеймс Кракрафт, хотя и рассматривал Петровскую эпоху как выдающийся и революционный прорыв в русской истории, почти полностью оставил без внимания сферу имперской политики. *Cracraft. The Revolution of Peter the Great; Idem. The Petrine Revolution in Russian Culture; Idem. Empire versus Nation*.

правления российской элиты XVIII века продолжали следовать давно известному или внедряли новое.

Во-вторых, работа оспаривает точку зрения, согласно которой дискурс цивилизаторской миссии Петра I, шедший рука об руку с европеизацией и «вестернизацией», а также усилия первого российского императора по разработке и проведению «политики цивилизования» *одинаково* охватывали все его государство. Согласно этому мнению, в XVIII веке не существовало разницы между самоцивилизированием и цивилизованием других; скорее и то и другое основывалось на одном и том же дискурсе¹. Эта точка зрения скрывает, однако, от наших глаз тот факт, что принятие парадигмы цивилизованности сподвигло российскую имперскую элиту не только присвоить чужие территории господства и культурные области, но прежде всего попытаться изменить их в соответствии со стандартами образа жизни русского или российского аккультурированного населения «метрополии». Наблюдатель, не делающий различий между самоцивилизированием и цивилизованием других, рискует впасть в апологию унитарного государства, восходящую к традиции национальной историографии русских историков XIX века. Кроме того, русская/российская цивилизаторская миссия XIX века (по поводу которой царит всеобщий консенсус) лишается своего периода становления и важной предыстории².

В-третьих, ставятся под сомнение представления об отношениях между империей и воображаемой «нацией» в Российской империи XVIII века. Оспаривается также точка зрения, согласно которой внутри российского государства тогда еще не проводилось концептуального различия между группами, воспринимаемыми как этнически однородные (*нация*), и нацией как населением империи в целом, охватывающим всех жителей государства, и они еще рассматривались как синонимы³.

¹ Baberowski. Auf der Suche nach Eindeutigkeit. S. 487, 495; Hildermeier. Geschichte Russlands. S. 549–557; Osterhammel. The Great Work of Uplifting Mankind. P. 392–395.

² Об идее русской/российской цивилизаторской миссии в XIX веке см.: Bassin. Imperial Visions; Hofmeister. Die Bürde des Weißen Zaren.

³ А. И. Миллер рассматривает понятие *нация* применительно к XVIII веку исключительно в значении «народ», «дворянская корпорация» и как синоним суверенного государства. Миллер. История понятия *нация* в России. С. 9–11; Он же. Империя Романовых и национализм. С. 314; Он же. *Нация*. С. 41–43.

Отвергается мнение, будто в течение XVIII века в сознании российской элиты утвердилось нагруженное оценочными суждениями представление о географическом разделении страны на европейскую и азиатскую части, где последняя приняла образ колониального «Другого»¹. Напротив, как показывает настоящая работа, российская элита XVIII века была очень хорошо осведомлена о различиях между нацией как государствообразующим народом, в котором преобладали русские, и жителями нерусских окраин, между российским подданством (принадлежностью к империи) и нерусской «национальной принадлежностью» в смысле принадлежности к одной из этнических групп (*наций*), живущих внутри империи². В то же время разработанные ею (элитой) концепции и практики господства в отношении нерусских этнических групп на юге и востоке были направлены не на создание географически зафиксированного колониального оппонента. Колониальный подход ее политики был обусловлен не *географической* локализацией колонии, а предположением о собственном цивилизационном превосходстве над нехристианскими этническими группами, чей образ жизни должен был трансформироваться в соответствии с интересами метрополии.

¹ *Басин*. Россия между Европой и Азией. Утверждение Басина о том, что в XVIII веке сложился образ русской метрополии к западу от Урала и «азиатской колонии» в Сибири, не убедительно. В главном источнике Басина — трудах историка и географа В. Н. Татищева — единственной причиной определения границы Европы и Азии на Урале является указание на разницу во флоре и фауне по обе стороны от гор. Цивилизационного различия между Европой и Азией Татищев не проводит. *Татищев*. Избранные труды по географии России. С. 112, 114–115, 130–132. — Вера Тольц и У. Сандерленд уже указывали на то, что мнение о существовании «метрополии» и «колонии» в российском государстве XVIII века не смогло укорениться. *Tolz. Russia*. P. 155–161; *Sunderland. Imperial Space*. P. 55.

² Понятием *нация* российская элита обозначала любую этнически однородную группу *внутри* Российской империи. В административной записке за 1759 год говорится: «но какой бы нации и веры ни был <...> только бы был российской подданной». См.: Представление генерал-майора А. Тевкелева и колл. советника П. Рычкова Коллегии ин. дел о положении в Малом и Среднем жузах // КРО. Т. 1. № 225 (22.01.1759). С. 571–591, здесь с. 573. — Другие примеры: Грамота имп. Анны на имя хана Большого жуза Жулбарга о принятии его в российское подданство // КРО. Т. 1. № 66 (19.09.1738). С. 129; Из журнальной записи беседы хана Нурали и султана Айчувака с оренбургским губернатором Д. Волковым во время приезда хана в г. Оренбург // КРО. Т. 1. № 256 (09.10.1763). С. 652–659, здесь с. 654.

Долгосрочной целью данной трансформации, как показано в работе, было, с одной стороны, преодоление ощущаемого дефицита цивилизованности, а с другой стороны, слияние различных этнических групп с русским или российским аккультурированным населением, составляющим большинство, и в результате объединение пространства империи с пространством находящегося под русским влиянием унитарного государства¹. Анализируя активную российскую политику аккультурирования и отчасти даже ассимиляции, автор, таким образом, приводит доводы в пользу модификации существовавшего до сих пор предположения об истоках первых стратегий и практик русификации по отношению к нерусскому населению на юге и востоке страны².

В-четвертых, положение данной работы, согласно которому определенные фазы российского господства в плане его политики по отношению к некоторым периферийным территориям в XVIII веке следует характеризовать как колониальные, ставит под сомнение одновременно три противоречащие друг другу точки зрения, высказанные в научной литературе. Согласно одной из них, уже Московское государство вело колониальную политику в широком смысле; в соответствии с другим

¹ Таким образом, результаты данной работы поддерживают аргументацию У. Сандерленда, утверждающего, что устойчивое концептуальное наложение воображаемого имперского и национального пространств российской державы возникло в XVIII веке. Лишь в XIX веке некоторые ученые и политики начали высказывать сожаление по поводу этой симбиотической связи между национальной территорией и империей и склоняться в пользу других концепций. *Sunderland. Imperial Space*. P. 33–66.

² В недавно вышедшей книге, посвященной русификации, XVIII век преимущественно игнорировался. *Gasimov (Hg.). Kampf um Wort und Schrift*. — Характер целенаправленного процесса аккультурирования или ассимиляции, который источники уже в начале XVIII века подают как «русифицирование» (*обрусение*), детально рассмотрен в отдельных главах как сквозная тема. В заключении собраны результаты с учетом дискуссии исследователей о понятии «русификация». — «Аккультурация» (результат) и «аккультурирование» (процесс) происходят от латинского *ad* и *cultura* и обозначают исключительно введение в (другую) культуру. Эти понятия необходимо отличать от подразумевающих гораздо более глобальную цель понятий «ассимиляция» и «ассимилирование», происходящих от латинского *assimilatio* и подразумевающих достижение сходства, полного уподобления или растворения в иной культуре. *Brockhaus Enzyklopädie*. Bd. 1. S. 403; Bd. 2. S. 545; *Bitterli. Die «Wilden» und die «Zivilisierten»*. S. 161–167.